

Даша Белозерова

КАК ОНО ЕСТЬ

Этюды, эссе, рассказы

Даша Белозерова
Как оно есть. Этюды,
эссе, рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305309

ISBN 9785449324962

Аннотация

Мысли, эмоции, реальности, сны – калейдоскоп внешнего и внутреннего. Искреннего, немного с солью и необходимостью рассветного ветра.

Содержание

Арка	5
БОЛЬ	10
ИНН	14
Круги рельсов	17
Про любовь	22
Проезжая Сэнабо	38
Разрешение трезвучий	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Как оно есть

Этюды, эссе, рассказы

Даша Белозерова

© Даша Белозерова, 2019

ISBN 978-5-4493-2496-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Арка

В середине дня Маше захотелось пойти в арку и покричать. Это желание было осознанным и рвущимся к осуществлению немедленно. Причины были чересчур глубинными для того, чтобы их выявлять в сознании, анализировать и расклеивать по информационным щитам. Поэтому Маша с лёгким чувством покинула квартиру, почти вприпрыжку, – закрыла дверь и вышла на улицу.

Выйдя из подъезда, она обнаружила в атмосфере дивное межсезонье. Нет, она никогда не тяготела к этому слову: «межсезонье» казалось неловкой нелепицей, само слово звучало как довольно убедительное недоразумение. Его, правда, часто использовали в обществе. Да и пусть.

На коже и в волнительно дышащих лёгких ощущение было таким, как будто она год не выходила на улицу. Хотя только вчера усилилось весеннее воспаление природы, чему она и была свидетелем.

Маше показалось, что сначала было бы правильным перестать думать о тех, кто ей мешает сосредоточиться на её ликующем скором крике в арке. «Эти рожи, – размышляла она, глядя на суетливодвигающуюся массу неподалёку, – эти рожи, и никак иначе, не подходят для антуража. Ни для моего, ни для какого-то иного вообще антуража».

И это было правдой.

Потому что ближайшие метры её предполагаемого путешествия были оцеплены, и даже суетилась полиция. Группки с видеокамерами ходили туда-сюда на метра три взад-вперед без живого желания расширять круг рабочей площади. Да, было нервно-скучно и безынтересно. Неатмосферно, сделала вывод Маша. Это не съемки кино – пусть даже с оцеплением и красно-белыми лентами для ограждения: такую же ей посчастливилось покупать в одной из командировок, и тогда это было непривычным и захватывающим действием. Один раз. Но было.

Однако речь все равно шла не об этом.

Хотя Маша еще минут пять вспоминала волнующие рулоны с лентами, романтические, по её личному восприятию, маршруты за лентами и обратно. Поверхность ленты была гладкой, очень приятной на ощупь: такая лента, отметила про себя Маша, имеет множество достоинств, её не стоило бы надолго упускать из виду.

«Лентовая» тематика сразу же отошла на второй план, когда из собравшихся соседей разного масштаба в воздухе пробежал шепоток: «Склад оружия времен Второй мировой».

Ого. То есть склад оружия тут, около моей арки, подумала Маша. Склад, склад оружия, который оцеплен бело-красной, ой, то есть красно-белой лентой?.. Паники у неё, понятно, не было. Какая паника, если уже столько людей уделяют время и силы тому, чтобы обратить внимание на склад этот. Или даже обезвредить его?.. Какая паника, если столько вре-

мении хотелось кричать в арке, а теперь – лишь повернуться глазами в небо и молчать. Упереться глазами в небо. И недоумённо молчать. «Спугнули вдохновение арочного крика» – закапризничала Маша.

«О Боги, – остановилась Маша. – На этой неделе у меня была постельная сцена с двумя мужчинами. На прошлой – с двумя женщинами. Я – падший цветок?».

И тут уже даже не захотелось кричать в арке. Захотелось тихо пройти через неё, со всеми её вдохновляющими ароматами, ненадолго выйти к реке. Чтобы убедиться в том, что вода не изменила – ни себе, ни остальным. И потом вернуться к арке, постоять в её уютном сквозняке. Чтобы стать безмолвным доказательством того, что нет таких сил, которые могли бы задушить эфемерный мир её арки. И то, что так гармонично совпало её желание покричать с визитом профи по разминированию – молчаливыми сапёрами – приятно кружило голову, как от сухого шампанского на рассвете.

«Если кто-то захочет встретиться со мной анонимно – милости прошу» – услышала как-то Маша на одном из общественных собраний. Это ж какое неизведанное поле мыслительных конструкций, ликовала Маша, редкий литературный бриллиант! Ей бы такое ни за что не пришло в голову: ни будучи на месте «кого-то», ни на месте призывающего встретиться, ни оставаясь самой собой, Машей – литературная фантазия не спроектировала бы столь извращенный шедевр. Зато благодаря вот таким персонажам жизнь становит-

ся исключительно слаще.

Маша прошла через арку, думая о бесчисленных мужчинах и женщинах своей жизни. Забавно, что её профессиональная деятельность по канонам нравственности была прямо пропорциональна образу жизни в пост-рабочее время. Маша не увлекалась наркотиками, не злоупотребляла алкоголем, в рабочее время призывала к себе в соратники лишь сосредоточенность, исполнительность и трезвость ума. Помогали составления таблиц и графиков. Однако её тяга к исследованию разнополюх эмоций и взаимодействия её личных эмоций вот с теми, предыдущими, давно уже адела лейт-мотивом интересов. «Я хочу, я действительно хочу ещё полнее понять себя, – рассуждала Маша сама с собой. – В моём возрасте „за 30“, который еще недостаточно подходит для того, чтобы украшать себя ярлыками, но уже достаточно хорош для того, чтобы осмысленно наслаждаться бытием, не стоит рефлексировать и паниковать. Нужно лишь сделать выводы и вскрыть, так сказать, глубинные процессы. Те, которые еще не вскрыты до сих пор. Придать большего шарма своей индивидуальности, почаще слушать внутренний голос и продолжать всегда делать то, что тебе нравится. И пожелать себе всегда оставаться успешной, здоровой, счастливой, долгих лет жизни, процветания, исполнения желаний... стоп, это уже крен в работу». Маша его отклонила.

И окрыленная собственными умозаключениями, она пошла на подмогу сапёрам.

Чтобы встретиться с ними анонимно, рано или поздно.

И потом предложить вместе покричать в арке – без цветов, которые еще не распустились.

Декабрь 2012 – декабрь 2014 гг.

БОЛЬ

Боль так же сильна, как и любовь. У Боли невероятно ясный взгляд, четкие идеи, мощный посыл и кураж. Боль – не провокатор: она – глобальный тестер твоей выносливости. Она сверяет твои способности и потенциал. Твою возможность дойти до края, и дать ей сигнал, какую именно степень края ты сможешь осилить и завоевать.

Боль никуда не торопится. Она возникает как гулкая конница врагов из-за далекого пыльного горизонта. Из глубины, подрывая незыблемость солнечного сплетения. Она горда собой, своим умением быть неотступной и неотвратимой. Ты слышишь её неспешно приближающееся дыхание и властное шуршание шлейфа.

– Я не причиню тебе любви, – говорит Боль. – Не бойся. Всё, что ты почувствуешь – это мою силу. Это нужно. Уверю тебя. И отключи все скрипки на время. И не беспокойся.

Да я не спорю. Отключаю скрипки. Отключаю фортепиано и английский рожок. Потому что общение с Болью достойнее всего в безмолвии. Никакого органа, кларнета или свирели. Ни ударных. Ни мандолины. Всё чинно и торжественно. Ей безразличны суета и распахнутые от безумия ресницы. Ей важны твоя чинность и умение владеть собой. Тогда она внесет тебя в свои личные списки, и станет относиться либо с ПЛЮСОМ, либо с МИНУСОМ. Вот у неё-то

точно третьего не дано... И я ещё не понимаю, для чего мне это нужно.

Вообще, конечно, лучше б было так, чтобы в исчерпывающий момент Боль стала подобной мотыльку. Эта роскошь, судя по всему, и дана очень немногим. Но это – хорошо. Это шик и блеск, красота, тра-та-та. Тут большая часть зависит, скорее всего, от того, как ты в свой земной период относился к Боли. Пренебрегал ею или же наоборот – ловил вызов, с легкой улыбкой и спокойствием принимал разрешение боли исследовать её под микроскопом. Она же женщина. И она властная. Так сложилось.

Боль всесезонна. Этому можно у нее получиться всем. И людям, и нелюдям.

И в общении с Болью ты начинаешь видеть себя со стороны иначе. Не говоря уж о том, как ты можешь разглядывать себя изнутри. Там такой ритмичный мир открывается, что сложно поверить в его существование. А он всё ж есть.

Конечно! Конечно, после двенадцати разнокалиберных болеутоляющих таблеток, чья деятельность оставляет желать много лучшего, ты начинаешь вспоминать о том, что есть еще и травы, и гомеопатические средства. Тут Боль, беспечно усмехнувшись, неслышно взмахивает нежно-голубым палантином – и открывает тебе коридор во всей его широте и красках возможностей. Оцепенение, сменяющееся раскатами внутренней радости и свободы от растворившейся тени Боли, улетучиваются быстро: аромат и темпоритм Боли

незримо рядом. Она может уйти на полгода, на год, оставив рядом с тобой лишь зародышевые истории своей сути. Но она всегда способна вернуться. Потому что нашла в тебе то ли мощного соперника, то ли безмолвного союзника: сразу понять непросто.

Боль провоцирует, ей это нравится. Для чего? Всё для того же: чтобы получить как можно больше своих союзников. Ведь ей тоже нелегко: мало кто решится назвать её милой и долгожданной. И у неё нет ни одного способа или метода для того, чтобы кто-то полюбил её искренне и безоговорочно. Кому такое понравится?

Ну, а договорившись с Болью, ты даешь аванс и ей, и себе. Как бы нелепо это ни звучало. Уважение актуально всегда и везде, даже в общении с Болью. Одно из высших проявлений уважения к ней – улыбнуться без кинжала за спиной. Ибо ведь для чего-то была придумана и Боль. И её ошеломляющая сила с такими же мощными лучами, как у восхода солнца, превращает окружающий мир в невиданный доселе мучительный лабиринт.

Боль – провокатор. Она умна и тонка. До сих пор неясно, на ТЫ или на ВЫ обращаться к ней. Боль не выдает авансов. Но ей льстит твоё смирение.

Боль виртуознее самой искусной шлюхи. Сутки, проведенные с нею, распускаются в памяти цветами футуристических фантазий. Остаётся их только терпеливо сдерживать, чтобы они не вырвались наружу, подкрепляемые широкими

возможностями голоса.

Нет смысла и необходимости интересоваться у Боли о её вековых походах и трофеях. К чему? Её главный источник питания – энергия пространств и много соли. Хоть соль и вредна, у Боли другое устройство механизмов. Препарировать суть Боли мало кто возьмётся – слишком уж неравный бой. Да и есть ли тот, кому нужна демонстрация этих – наверняка! – причудливых внутренностей?.. Боль – одна из немногих, чьи суверенитет и способность оставаться незыблемо на своих позициях вызывает вновь же уважение.

Интереснее было бы представить Боль за клавишами рояля. Может быть, тогда она сама залилась бы потоками соли – да в них же и застыла, как салатная улитка в соляном растворе?.. Может быть, ей страшно вато от рифмы «Боль» – «соль»? Ответ на этот вопрос можно искать. А можно и не искать.

14 декабря 2013 г.

ИНН

Одна женщина пошла в налоговую службу. Исключительно для рабочего процесса ей было необходимо получить ИНН.

Контору она нашла довольно быстро, хотя местоположение учреждения оказалось странным: адрес был указан один, а по факту здание находилось совсем не там, где его логично было бы искать.

На втором этаже учреждения и налево, и направо находились ОКНА для обслуживания лиц. И физических, и юридических. Уточнив у проходящей мимо сотрудницы, где же именно можно подать заявку на ИНН, женщина услышала: «Окно номер два. Только они с часу дня работают». У окна номер два стояла лишь одна дама, за которой, как выяснилось, никто больше очередь не занимал. Женщина начала ждать, пока сотрудник в окне закончит беседовать по телефону, обслужит даму и сразу примет заявку у неё.

Когда дама попросила прекратившего бесконечно долго беседовать по телефону сотрудника о получении готового ИНН, она услышала в ответ: «С часу дня подходите». Совершенно недоумевающая, удивленная дама не стала пререкаться. И отошла в сторону. На часах было почти одиннадцать часов утра.

Женщина села на стул перед окном номер два, поправила

прическу, и сказала сотруднику: «Здравствуйте, хочу подать заявление на оформление ИНН».

Сотрудник ответил, не глядя:

– С часу дня подходите.

Женщина искренне удивилась: ведь когда она искала эту службу в интернете, время работы службы указывалось с девяти утра. Да и справочная, в лице секретаря налоговой службы в телефонной трубке, любезно записав данные женщины, сказала: «Часы работы – с девяти до восемнадцати».

Женщина активно высказала все свои знания на этот счет, а сотрудник в окне, опять не глядя в глаза, отвечал: «Это ко мне не имеет отношения. Не я выдавал вам такую информацию». Женщина ответила:

– Тогда я буду ждать часа дня, раз у вас такие несостыковки в работе.

Сотрудник, совсем уже спрятавшись за монитор и многочисленные объявления на стекле, ответил:

– Если освобожусь раньше – приму.

Женщине стало весело и странно.

Она позвонила коллеге с информацией о том, что застряла в налоговой – по такой вот нелепой причине.

А сотрудник тем временем был беззвучен. Слышно было лишь вялое постукивание по клавиатуре компьютера. Работал.

И минут через двадцать-тридцать, не больше, сотрудник вдруг сказал:

– Давайте паспорт.

Женщина вздрогнула, выплывая из марева тишины, вынула паспорт из обложки и протянула сотруднику.

Он стал тщательно заполнять данными ее паспорта анкету в компьютере. Которую потом и попросил проверить и поставить там же подпись.

И сообщил, что забрать ИНН можно будет в следующий четверг. После часа дня.

Женщина спросила:

– Как Вы считаете: позвонить мне в справочную службу, где мне сказали про часы работы, чтобы скорректировать для них часы Вашей работы?

Сотрудник ответил:

– Не имеет смысла.

На улице накрапывал дождик.

Сентябрь 2011 г.

Круги рельсов

– Да её брат рельсы ворует регулярно!

– Ой, так у нее братья есть?

– Есть, только загремит скоро!

– Загремит? Это как это?

– Ну так! За рельсы. В тюрягу! Вот у дружков его всё чи-ки-пуки!

– Да не хочу я про его дружков. Я про него хочу.

– Да про него я знаю только это вот, про рельсы. А дружки – те ж красавцы ещё те! Такого наслушалась вчера, аж дух захватило...

– Дух перехватило? Это как это?

– Да кровь забурлила, дышать сложно! Знаешь такое?

– Знаю. К врачу вчерась вот ходила. Так там испужалась ненадолго... А потом хорошо.

– Да обожди ты про врачей, про дружков его толкую! Есть там один такой. Уж очень хорош! Кончится терпение моё скоро, возьму его в оборот!

– В оборот ты его возьмёшь? Это как? А он дастся?

– Что он, кот что ли, или хорёк, чтобы даваться или не даваться! Я свое дело знаю. Возьму его себе и всё.

– Насовсем? К себе? Домой? А мать что скажет?

– Слушай, что мне мать! Что хочу – то и делаю, и никто не указ мне, слыхала? А надоест – выгоню!

– Выгонишь? Это как это? Чтобы отомстить? А за что?

– Кому мстить? Ты что, меня что ль не знаешь? Мечь – не моя забота. Мне-то главное услада моя. Счастье.

– Счастье? Я слыхала, счастье бывает только в кино.

– Чего? Где ты это такое слыхала? На меня посмотри!

– Это как? Но я смотрю. Ты смелая. Я на тебя хочу быть похожа.

– Похожа не похожа, – как свинья на ёжа... Я тебе про счастье, которое сама себе можешь сделать! Поняла?

– Это как это? Да я сама знаю, – за парнем пойдешь, спорить нельзя, надо быть потише...

– Я ей про счастье – а она мне про потише... Тьфу! Слушай, ты хоть раз давай меня слушай! Слыхала – артисты вот сами себя не хозяева. А мы – то другое дело!

– Это как так не хозяева?

– Да так! У них там поезда да самолеты, все на уколах да таблетках. Поди вынеси гастрольную маету! Вот у Нюрки сваха в Питере уборщицей в концерте маячит, так такого понаслушалась! А уж газеты чего пропечатывают! Срам да страх Божий!

– Это как это? Прямо правды понаслушалась?

– Да, да, да! Кривды! Ладно. Что там ты к доктору ходила-то?

– Да ходила вот. Беременная я вот.

– Иди ты! Чтой-то? С когой-то?

– Да вот помнишь на Покров гуляли. Вот оно всё и пона-

крывало-то меня.

– Да ты серьезно чтоль?

– Нешто шучу.

– И рожать думаешь?

– Ну, это как это? Тут уж и думать нечего. Я у матери пятая была, а тут самое начало тока. Как не родить. Уж и возраст подпёр.

– Чего? Ты на других-то не смотри! Возраст... Ты об себе думай в первую степень.

– Вот и думаю. Ребеночек складный будет, ладный...

– А с чегой-то ты так уверена в этом! Ха-ха-ха! Кто папаша-то?

– Да твой, тот. Которого в оборот ты брать собралась. Меня-то он сам и взял.

– Врёшь!

– Не вру.

– Врёшь!!!

– Не вру. Я тебе как есть говорю. Но люблю-то я не его.

– А что ж ты, малахольная, пошла под него?

– Да сильничал он. Я не особо хотела сама-то.

– Дура.

– Люблю-то я того – её брата!

– Да которого ж? Того, что рельсы тырит? Нужна ты ему больно!

– Это как это? Больно ему, и не нужна потому?

– Да просто не нужна ты ему. И всё.

– Он тебе сам так сказал?

– Да я не слепая, сама всё вижу!

– Это как? Как ты видишь и что видишь?

– Как надо и что надо!

– Вот я на тебя быть хочу похожей, ... ну и потише за парнем надо, знаю... Вот и весь сказ.

– А он если извернётся, то скинет рельсы свои на продажу – и поминай, как звали! Запомни! Сбежит, как пить дать!

– Это как?

– А так! За океан!

– Ты сочиняешь?

– Делать мне нечего!

– Я пойду к нему.

– Иди-иди! Только скоро вернешься!

Она не вернулась. Потому что через день пошла вместе с любимым воровать рельсы.

Их поймала милиция.

По дороге в СИЗО у неё случился выкидыш.

Он не узнал об этом. Потому что ехали они разными машинами. Потому что не любил ее. Потому что так жесток мир. Потому что не был отцом неродившегося младенца.

Она смиренно отсидела срок.

Он дважды сбежал.

Его ловили.

Однажды в камере его прирезали. Насмерть.

Она не узнала об этом. Потому что верила в их встречу и не читала писем от подруг.

Дура.

Мудрая дура.

Она любила его. И больше не давала никому «сильничать» над собой.

Она освободилась, и осела на одной областной станции сигнальщицей-стрелочницей.

Она каждый день смотрела на рельсы – во время работы, после работы. И всё не понимала, где же его искать.

А однажды из проходящего поезда ей вдруг махнул рукой Аркадий Укупник. Не во сне.

И она вспомнила свою бывшую подружку. И тот разговор про артистов.

И поняла, что его-то, его, его не встретит уже никогда – потому что именно Укупник был автором песни «Я на тебе никогда не женюсь».

Этот ответ про него, про него, про него её женская интуиция ей подсказала!..

А она обманывает редко.

Сентябрь 2012 – январь 2013 гг.

Про любовь

«... Меня низвергает до уровня «НИКУДА» и даже чуть ниже фраза «Я не могу без тебя». Это невозможнейшая пошлость и просто тупик. Не можешь? Не моги. И точка. Это же веерные признания бессилия, торжества ликующего эго и бессовестных размеров масштаба мультикапризного «Я». Вот если человек говорит «Я могу без тебя», и при этом его взгляд, интонации и паузы между словами выражают безмерную теплоту и любовь – это высший класс. Этим владеют очень немногие. К такому необходимо идти скрупулезно и, по возможности, рано или поздно дойти!

На мой взгляд, есть несколько форм, степеней, стадий, ступеней, уровней любви. Одна из них самая примитивная, но я не говорю этого в негативном смысле. Это та, которая, скорее, у животных. Если её вообще можно назвать любовью. Наверное, с оговоркой. С чиханьем, подкашливанием, извинениями и перхотью во взгляде.

Вторая – это когда «Я так люблю тебя, что не могу без тебя, мне так плохо, так ужасно, ... я страдаю, я так скучаю, я не нахожу себе места» и прочая. Налицо вопль ЭГО. Тугой и беспринципный вопль ЭГО. Это «МНЕ плохо, это Я не могу без тебя». И всё в таком же духе.

Далее следуют истории про взаимное растворение, бесконечную гармонию и радость. Они предательски притворяют-

ся самыми искренними и бессмертными. Но это не так.

Следующая, – это когда ты начинаешь осознавать всю коичность и приземлённость второй формы... уж не говоря о первой! Это когда твое существо, твой дух трезво и, порой, во многом цинично, оценивает свою значительность. И понимает, что главное в жизни – не зависимость от «МНЕ плохо без тебя», а – свобода! С примесью внутреннего ликования от сознания того, что ты любишь кого-то. Но чтобы никого не обременять этим, решаешь сам для себя, как именно вести себя дальше. Не следуя стереотипам. Не прыгая на поводке у сиюминутности.

И перестает тогда духовное нутро причитать. И начинает праздновать. Праздновать в самом изысканном стиле.

При этом совершенно не исключен чисто секс, чисто дружеский секс или по принципу взаимопомощи, да и приятное времяпрепровождение. И даже порой он не с тем, о ком недавно спорили сердце и душа. Такое случается, и нередко.

Но когда любишь – это НЕСВОБОДА. В любом случае. А зачем это нужно?

А ведь кому-то нужна зависимость. Иллюзия взаимности. Иллюзия заботы и гармонии. Хотя и такое по-настоящему тоже встречается. Но в очень видоизмененном виде. В очень завуалированном виде, испуганном и виновато прячущимся. И нечасто. Очень нечасто.

А зависимость нужна не всем. Повторим для закрепления.

Посягательство на свободу для очень и очень многих является личным оскорблением.

Кому-то без кого-то плохо. И он хочет себя дополнить этим кем-то.

Именно так.

И это уже несвобода – для того, кем хотят дополнить.

Кто-то идет на уступки заарканивания, а кому-то это претит.

Кто-то идеалист, и никак не может найти в одном человеке сочетания множества качеств, которые ему кажутся необходимыми.

Брак – это компромисс.

Но не каждый готов на компромисс.

А даже если не брак, а просто взаимные чувства?

Доставлять второму человеку радость, – всё, что от тебя зависит? Или не доставлять? Или делать вид, что доставляешь?

Но ведь это называется «благотворительность». Или широта души. А вот любовь ли?!».

Именно так она хотела объяснить свои взгляды одной из приятельниц. Но вдруг поняла, что фантазия отказывается работать. Причем, именно та часть фантазии, которая обычно подсказывает ей верные решения.

Да не надо ничему придавать большое значение!!! Ничему и никогда. Потому что даже при глубоком взаимопонима-

нии каждый бессознательно уверен в том, что вот «как раз-то его история, его чувства – отличны от других, уникальны и не такие, как у иваново-петровых».

Совершенно искренне: проснувшись и приоткрыв глаза, она никак не могла вспомнить, кто разбудил Герцена? Журналисты? Специалисты?...

Общение накануне было бурным, высокоэмоциональным, и спать все легли не рано, очень не рано... Далеко не рано. Скорее, совсем не близко, чтобы назвать это поздним.

Слово вертелось на языке, традиционно.

Да всплыло скоро, к счастью, – да ДЕКАБРИСТЫ же!.. Они разбудили.

И скоро она поняла, что идти по улице Герцена для многих – очень знаково. В любую сторону. Особенно в той ситуации, в которой оказалась она: снилась эта улица.

И еще вспомнила, что в одном из домов на улице Герцена, когда она шла там с любимым человеком, цвел декабрист. Цветок в горшке. Опять же – то ли во сне, то ли в идее о сне. Как всё это взаимосвязано! И хорошо. И смысла в этом искать не нужно. Не взаимосвязаны только мысли о том, что несуществующий город Тёткинск и подгнившие груши – совершенно невзаимосвязаны. Что не может не радовать!

Во-первых, Тёткинск ещё могут оперативненько отгротать. Кто же знает, насколько неисповедимы пути!?!.. Во-вторых, если его построят, то, вероятно, там, где груши не рас-

тут. Просто по той же причине, что и северные города строили. Так проще. Следовательно, климат там совершенно другой. Ну и ещё потому, чтобы потенциальные мужья не подвергали себя риску объеданий.

Климат другой? Другой. А построят его там именно потому, что в стране много неохваченных никем территорий! Свободных, пригодных для строения. И если кто-то решит возвести такой город с ироничным названием – пусть!..

Кстати, «пусть»: такое интересное слово.

И еще много неохваченных тёток. Но это другая отрасль. Не сейчас.

Дело-то всё равно не в фантазии. А в том, что её собственное существо не хочет делиться собой с окружающими на максимально полное количество процентов. Именно поэтому она не стала актрисой: подсознание же не обманешь. Актерство подразумевает бессознательно откровенную отдачу, готовность восхитительно податливо вращаться в руках режиссера, некий пластилиновый низкий старт. Кто-то без этого не может. Кто-то не может быть с этим ни секунды.

С ней же – другая ситуация. «Собирай меня по частям, по любым осколкам, отражениям, конструкторам, схемам, лепесткам и частям облаков! Но не выйдет. Поскольку я не поддаюсь инструкционным сборам. Без пафоса и апломба. Хорошо это или плохо... но это так» – еще одна фраза, которая внезапно образовалась в голове. Видимо, для того, чтобы тоже пойти в закрома сознания, – как и многие дру-

гие, которые всегда были зорко наготове.

Неожиданно ей понравилось её собственное отражение в зеркале. «Люблю провоцировать» – призналась сама себе и снова включила музыку. Музыка – безоговорочно зелёный свет для настроения. Чтобы его сохранить, ей нравится выхватывать лица из подлетающего к перрону поезда в метро. Чуть меньше, чем наслаждаться музыкой, но больше, чем болтать ни о чём.

А недавно она придумала фразу для поднятия настроения: «Игра. Основана на реальных эмоциях». Всё потому, что ей в последнее время очень нравится ошибаться, – ведь это стало крайне редким развлечением. Остро редким! И таким изысканным. Ошибаться приятно, это же подтверждение подлинности жизни, поиска эмоций и многовариантности решений. Важно оставаться искренним, не фальшивить и не притворяться. И тогда, не впадая ни в какие рамки, остаешься на всё свое будущее – собой. Потому что недавно стало известно, что, оказывается, времени суток для разрыва сердца ещё осталось. «Все будет так, как надо, даже если будет иначе» – эта фраза принадлежала не ей, но давно была ей знакома, она уже с ней сроднилась – больше, чем жена с мужем после юбилей золотой свадьбы. Эта фраза ей близка. И, несмотря на банальность, невесомо мудра в рутинных перегонах метро.

Или еще фраза образовалась: «Иду на любые крайности. Дорого». Зато друзей развеселила. И самой было забавно.

Что-то, безусловно, должно завораживать. Одно – но точно. А если ВСЁ – это скучная утопия и самообман псевдоидеалом. Разве поспоришь?..

Ну а дальше она сказала бы приятельнице так: «Это сложновыразимое чувство. Хотя я, прости, и не в курсе – меня не бросали, именно от меня шла инициатива разбега в противоположные векторы. Но это щемяще-стыдливое чувство под условным бесконечным названием «А КАК ЖЕ, НУ КАК ЖЕ ТАК, НУ МОЖЕТ БЫТЬ, НУ МОЖЕТ ТРЕЩИНА НЕ В СЧЕТ, МОЖЕТ РАЗРЫВ ПОДЛЕЖИТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ?..» – и всё в таком духе – ЭТО ЧУВСТВО вполне резонно для мыслящего человека. Но не более. И не насовсем.

Главное – не остаться в прошлом друг у друга. На это нужно особое умение. Ювелирное. С лупой. И порой незаметное – для себя, и тем более для окружающих. В обоих смыслах – не остаться в прошлом: и когда вы вместе, и когда вы расстались. Когда человек это освоил, взаимодействуя с одним человеком и не умея того же самого с другим – вот парадокс! Но это факт. Кто-то общается, общается. Потом раз – пауза – и потом понятно, что тот человек у тебя уже совсем даже из прошлого, и вообще только из него! А кто-то общается с паузами, но все равно тот человек у тебя – в настоящем. Вот это ценно и важно. Хорошо, что хоть вообще вы встретились!!! И не смейся. А то бывает и так, что люди рождаются в разных веках, и тогда просто никак им на Земле

не увидятся. Хотя тоже поддается коррекции. Но опять же другая отрасль. И не сейчас.

Сумела же вырвать. Себя из обыденности. Ситуацию из сердца. Монотонность из образа мышления! И так далее. Одним словом, вовремя сумеешь рвануть лишнее – это только во благо. Когда падает снег, хочется дать себе слово говорить всё, выворачиваясь наизнанку. Весь спектр внутреннего мира. Потом думаешь – а зачем... что это даст? Давишься от смеха, от своей внутренней псевдозажатости, и решаешь: неееееет, дамы и господа, не будем мы ничего перелицовывать наизнанку. И как решено – так и сделано».

Она, конечно, знает, что он невероятно близко, хотя, понятно, его рядом нет. Но как поделиться своим видением с теми, кому это необходимо? Она знает, да, что он невероятно близко... И, вполне возможно, что женщины чаще чувствуют иначе. Чем мужчины. Даже не в плане широты, или наоборот – раздробленности ощущений и сердечных итогов. Но приятельнице... – как объяснить, что она всегда всё чувствует, как это обычно бывает у людей, которые не могут не подключать все свои природные ресурсы!.. Поддаваясь импульсам, у нее в неощутимой, неосязаемой глубине образовалось что-то невыразимо доступное, до которого нельзя было дотронуться, потому что этого не существовало материально. Она боролась с признанием банальности определения. Боролась с необъятной всепоглощаемостью этого чего-то странного. Странно близкого, потрясающего и дорого-

го.

Ей было легко и нестрашно – разве она может чего-то не услышать? Потому что существовало одно, которое гораздо главнее всех составляющих желающего настигнуть ее сомнительного недоумения. Можно дотронуться ладонью до глади воды, можно влюбиться в беспечность зеленого светофора, можно вглядываться в каждый кадр жизни, ловить движение жизни, летящей вокруг, можно примерять свое «я» к силуэтам и походкам прохожих... Можно всё. Позволительно всё, и это оттого, что нечто новое тянулось к сердцу лепестками. А главное – можно любить. Любить!

Можно кружить высоко-высоко, иногда подлетая ниже, не боясь быть замеченной. Скучать по нежности голоса. Снисходительно мечтать, слушать и слушать себя и весь золотой воздух осени.

Правда, неутешительно жаль, что, взяв любимые песни, самую лучшую можно включать бесконечно, напролёт, постигая все звуки по-новому каждый раз... но этого никак нельзя сделать с гордым календарным чередом дней. Нельзя прожить десятки раз снова и снова один особенный день или вечер. И эту сладко щемящую безвозвратность мига в жизни она безумно ценила, и старалась как можно бережнее пронести, не забыв, не упустив ни полуповорота, ни полувздоха.

Безумно жаль спугнуть нечто хрупкое, сокровенное и беззащитное. Наверное, чтобы этого, не дай Бог, не случилось, лучше всего меньше смотреть пристально и больше нырять

в бесценное состояние мгновения, которое сумел – если сумел – поймать, выхватить. Чтобы остался огонь, не пепел. Огонь Любви – в первую очередь.

Бесценно то, что мысли о нём никто и никогда не может отнять. Никто не может их изменить, запретить, урезать, случайно вылить, вырвать или выкрасть. Это самое важное: мысли – это навсегда, это то, что никогда не исчезнет и не предаст, не станет неузнаваемым или до смешного нелепым. Мысли можно вести до последнего дня. Их можно всегда везти с собой. У мыслей свои векторы, они летят по своим собственным направлениям, встречаясь с мыслями кого-то другого. У мыслей своя собственная жизнь, они свободны, – чаще всего они позволяют себе эту роскошь.

Главное – чтобы не унесло бездарной и бестолковой волной. Это, понятно, придаёт горечь, включает слабость-правду разочарования. Лучше всего нести в себе исключительные ноты чувства, когда нет необходимости что-то кому-то доказывать, по схемам ли это или без них.

И еще всегда лучше, если верить и быть. Удивительно, что один и тот же факт вызывает у каждого неожиданную и непредсказуемую реакцию.

Самым главным было то, что можно не прерывать невидимый диалог с тем, с кем хотелось бесконечно то молчать, то круглосуточно говорить. Пусть даже с завязанными глазами и неподвижными губами. Ведь души имеют удивительное свойство – быть гораздо мудрее, тоньше и ранимее, чем

мы о них думаем.

В автобусе было мало воздуха. И много звуков. Хотя пассажиров было меньше, чем раздражённых машин за окном: всего трое. Девушка на одном из передних рядов. Молодой человек, который дремал в срединной части автобуса. И еще одна девушка.

И тут история прерывается. Потому что каждый волен устроить продолжение истории по своему вкусу.

Весь парадокс сложности новоизменений в том, что человек просит такого, какое было раньше. Не догадываясь о том, что на все нравящееся его вдохновлял он сам же.

И, входя в новую, возможно, фазу своего развития, он время от времени перестает быть таким, какой вдохновит.

МЕНЯ.

Следовательно, оставаться такой, какая его вдохновляла я, с учетом новшеств его характера и поведения – вдвойне непросто.

Требую от других, не следует отходить от требований к себе. И от своего вдохновения – прежнего и нынешнего.

Это – всё для подбрасывания дров в костёр того бессмертного тоста **ЧТОБЫ БЫЛО ТАК, КАК НЕ БЫЛО.**

Емкий, интимный и точный тост. Эксклюзивный. Полный энергии.

А когда плохо, что само по себе редко, то тело, и абсолютно вся кожа перестают дышать. Поры перекрываются чем-

то липким и тревожным, и весь ты – сплошное оцепенение в ужасе. В душе – состояние тоннеля, которому не знаешь, где конец. И это – состояние паническое, ибо ведь ты – человек ищущий и вдохновенный. Но в силу обстоятельств – ты в эпицентре тоннеля, и порой тебе кажется, что до сего часа ты не научился ничему абсолютно. Ничему. И от такого чувства необходимо немедленно сойти с ума; но... сойти с ума не так-то просто.

И поэтому!

Мне нравится делать оборот. Новый виток. А те, кто не успел запрыгнуть в завершённый – ждите нового поворота к вам.

Аромат кофе и запах йода, совместимость несовместимого в системе одновременности – это всегда притягивает. И подбрасывает в жар активность идей вдохновения. Льстит это. Льстит.

Прекратить вздрагивать.

Это было сильно и неподражаемо полно, и срок закончился именно в этот период, иначе потом стало бы скучно и тупиково, безысходно и лишне. И всем было бы неловко, а так – очень даже ловко! Да даже не до ловкости дело. Поскольку, с одной стороны – шок, с другой – шок, музыка-то осталась и помогла остаться самой по себе, а не мутировать в скандальную грусть обыденности.

А вообще – никто не любит никого. Все любят только себя в преломлении кого-то.

Но в любом случае нужно уметь ускоряться – когда быстрее перестаешь думать и вздыхать, когда снова возвращаешься к себе, в себя, когда не считаешь нужным терять время – вот тогда, тогда начинается обратный неожиданный процесс! Которого подспудно ждёшь и веришь в него.

...Ну, а можно приятельнице сказать так: «Я готова написать ему: «Люби меня на самых разных расстояниях, и чем дальше, тем ярче это и будет доказательством твоего бескрайнего и неиссякаемого чувства. Смешно? Да, мне тоже. Очень смешно, и совершенно не грустно, не зло и не досадно. Ибо так хочется порой раскрутиться в пышном фуэте минуты на полторы – и чтобы крутить его на льдине под слепящим солнцем, и уже ничто больше не заставит меня грустить и сокрушаться. Кружась в этом фуэте, думать о приятной бесконечности и независимости чувства. Капельки воды будут разрывать пространство, и это увидят только те, кому удалось постичь дистиллированность чувства. То, что неизбежно и не требует подтверждения сертификатами качества... Да пошел ты! Тебя не было. Это был сон? Не сон. Сон – это нерешенная проблема. А ты – решенная. Ты можешь возразить словами «Чем счастливее время – тем короче оно» (приписывают Плинию младшему). Так вот, если коротко: очень осторожно, аккуратно, но совершенно беспово-

ротом на несколько минут опустить голову в прохладу глыбы льда. Пусть эта глыба стоит в жаркой пустыне, и через несколько минут растает. Но вертолет же все равно доставил ее для тебя. И восточная дудочка с причудливым музыкальным орнаментом пусть гипнотизирует змею. Но не тебя: ты вовремя успела погрузиться в лёд... И вот так кружиться, думать, повторять таблицу умножения, подбадривая глубину сарказма... Но фуэте закончилось. И не нужно мне себя навязывать, понимаешь?».

Можно еще буквально на пальцах, вот в такой форме: понимаешь, дорогая приятельница (какая ж она у вас тупая, скажет кто-то!), всё это – как медицинская карта. Допустим, как врачи, так и любовники вписывают свои слова в этот сборник «поскрёбышности» с твоей души и сердца. Вклеивают чистые листы, создают объем и многообразие диагнозов. Ищут тепла, холода, драк и выяснений отношений. И при этом каждый остаётся сам по себе, – нравится ему это или нет.

Ну или же диалог цветами. Цветами на стеблях или цветами палитры красок? Вот какой фокус! Хочется взять дыхание – как в детстве чисто, не задумываясь – и полететь вместе с голосом высоко и легко. Но летать пока ещё учусь.

И когда думаешь про ВЫСОКО И ЛЕГКО, в мыслях возникает обрывок *письма*, найденного в старом осеннем сарае под заржавленной лопатой. Оно, судя по всему, было напи-

сано не очень давно, и осталось неотправленным: «Что-то магическое есть в его лице. Магически-родное. Это опять? Опять? По кругу? Все стадии любви? Цинизм и трезвость души снова в сторону? Не до них? Или до них? Вибрации колышущейся нежности и сердечная зависимость замесили тесто? Готовятся отчебучить? Или не готовятся? Смешно. Вот это моё письмо к тебе: отнесу ли я его на почту?».

В любом случае – создадим-ка, друзья, воодушевляющий финал! – любовь даёт ощущение безбрежности, буквально осознание того, как состав твоей крови меняется. Ничего не нужно – никаких обязательств, банальностей и рутины. Любить и дарить лучи, как бы пошло это ни звучало, лучи и даже лучицы радости, густо окрашенные любовью. Молча и немного торжественно.

А ещё очень нравится и глубоко ценно та эмоция, которая не имеет названия: человек считает, что не интересуется тобой, как обычно это бывает у большинства противоположных полов. И даже непротивоположных. Но именно это «неинтересование» порождает более глубинное, яркое, искристое и уникальное чувство, нежели половая связанность между мужчиной и женщиной. Это тоже любовь. И анализируя один из постулатов современных философий – «Мужчина становится свободным и способным действовать, когда женщина, любя его, отказывается от обладания им» – любезная моя приятельница, я скажу: ДА! Это было известно ежу еще до нашей эры. А ёж не дурак.

Ибо во все времена каждое животное имеет право на своё собственное видение, свободу и любовь.

Сентябрь 2008 – сентябрь 2011 – декабрь 2014 – январь 2015,

другие годы и месяцы

Проезжая Сэнабо

Одни считают, что сначала нужно придумать название, а потом уже под него выстраивать нить. Нить и взаимосвязь сюжета, настроений, взаимоотношений героев, нюансов, и даже последних штрихов и парковки элементов пунктуации.

Другие уверяют, что с названием торопиться не нужно! Что в итоге подберется лучшее и идеальное всё – само собой. Потом.

А как было тут – не скажу, потому что это секрет. Секреты – неотъемлемая часть человеческой личности. Это, можно сказать, одна из главных «весомостей» природы homo sapiens, и всего того, что её, природу так будоражит и взъерошивает, не побоюсь этого слова.

И как именно было в случае с началом, серединой и вероятным продолжением истории вне бумаги – тоже не стану говорить. Потому что, с одной стороны, первым было, конечно, название. Но с другой – суть была давно, и подспудно давила на мозжечок своим навязчивым «пиши-пиши-пиши». Совесть отодвигала действие, интересуясь «А точно можно, а точно ли это удобно и корректно?».

...И даже если даже просто даже проезжая «сэнабо» даже можно представить и разворачивать рычаги фантазии в совершенно даже разные стороны... то от этого всё равно ста-

новится жарко, уютно и весело, а главное – стопроцентно! Высокая степень уверенности: прежде всего, в себе.

Создает комфорт и даже некую беспечность.

И когда в тебе живет радость, как постоянная величина без выпадов сомнений, то не нужно никаких лишних усилий, – тужиться, пыжиться, рваться и доказывать. Все идет своим путем, вальяжно и без суеты.

По сути, каждый из нас один, и это совершенно нормально, потому что кто, кто же может понять тебя, кроме тебя самого – да и то с оговоркой? А кто может тебе не завидовать, кроме тебя же самого?

Это вполне жизненно. Однако очень странное ощущение именно тогда, когда резко, как хлопок или щелчок, осознаёшь, что люди, кто с тобой дружит или общается, в той или иной степени – завидует тебе. Большая часть.

И если даже ты решишь кому-то об этом сказать, самые смелые ответят «Да, это так».

И перечислят то, что в твоей жизни вызывает у них зависть. А тебе остается лишь потрясенно замолкнуть и удивляться с застывшей улыбкой. Ибо это все еще полчаса назад было перемешано с иллюзией НЕодинокства.

И ведь на самом-то деле ни на чье плечо не охота прилечь и поканючить. А просто обменяться энергией – чтобы не скучно, чтобы разнообразно.

Чтобы запомнилось. Главное же – оторваться от всего, и идти навстречу рассвету со скоростью сверхзвуковой и лег-

костью полета дельтаплана.

Кстати, в определенный момент вдруг стало очевидным, что мы не смотрим друг на друга как в зеркало. Перестали купаться в иллюзии «мы отражение друг друга»: амальгамма с зеркала стремительно осыпается. Варианты? Совсем избавиться от устаревшего предмета обихода, ставшего заурядным предметом, а не жизненной необходимостью.

Еще: сменить амальгамму, но кто ж входит в одну и ту же реку дважды? Вариант третий – не обращать внимания на то, что зеркало превращается в стекло. А наслаждаться этим, взглядом – только вперед, перешагнуть через условность стекла – и с легкостью обернуться в реальность, в мгновение ставшую прошлым.

Интересно, его письма и мысли – всего лишь искусный перевод текстов песен с иностранных языков? Или всё ж это его мысли, собственные?

...А внезапно раз – и «привет, хорошо выглядишь». Да привет, привет, я сама все знаю, знаю; просто живу в своем собственном режиме – оттого и выгляжу хорошо. Не верится? Верится с трудом? Пора в дурдом? О, не смею больше задерживать!..

Какая это тонкая линия между любовью и ненавистью, думают многие. Как это непросто – забыть и не презирать. Да очень просто. Можно и не забывать, и не переставать восхищаться, просто – всё: уже допил весь нектар непосредственности ваших взаимоотношений. До дна. А дальше дна обыч-

но ничего не бывает. В нормальных, без отклонений историях. И поэтому – оревуар, и да будет новый день. Даже в «сэнабо».

Но уже другим составом. Ведь когда действительно проежаешь это «сэнабо», каждый раз в голове выстраиваются десятки сюжетов. К этому «сэнабо» совершенно особое чувство. С непередаваемым оттенком аромата, с уважением к кофейному запаху и манкости корицы. Что ж, а вот неделю назад выяснилось, что проезжать больше нечего: власти города изъяли из обихода жителей и гостей употребление этого самого «сэнабо». Таким образом, освободив мою фантазию от ежедневных, не всегда желанных, упражнений в бесконечности счастья.

Я его даже не то, чтобы обожествляла. Но казалось, что он всё же больше, чем просто мужик, пусть даже в процессе. Мне думалось, что совпадения в буквах и мироощущении, – равно как и с другими в музыке и ритме – говорят о том, что такая общность совершенно потрясает, даёт полноту картины мира, радость и долгожданное взаимопонимание. Но нет. Всё вовсе не так банально-радужно-бананово.

Оказалось, что все это тоже игра. Игра вовлечения своего «Я» в круговорот ложных откровений. Приди в себя и осознай, что нет взаимной тяги – как в трубах это бывает. Трубам проще.

Правда, однажды около берега билась бутылка. В ней оказалось вопиющей степени сокровище – как раз в стиле на-

ших ураганно завершившихся взаимоотношений. Поскольку автор совершенно точно не сможет предъявить претензий, позволю себе процитировать это послание. Оно не дает никаких ответов на вечные вопросы про взаимоотношения мужчины и женщины, но позволяет получить краску настроения, проиллюстрировать то, что с каждым днем всё меньше и меньше нуждается в иллюстрации:

(кавычки открываются)

Ты совершенно прав: надо взять тайм-аут.

С другой-то стороны, все это может закончиться – в любую минуту.

Хотя, когда что-то взрывает тебя проснуться августовским утром, после долгого откровения с вином, с наушниками, намекающими избранность радио-репертуара... конечно, невольно задумаешься о сокровенно-исповедальном. С другой же стороны – так всё просто. При этом у головы путаются совершенно невозможные слова, которые, превращаясь в глубинные мысли, залезают внутрь и начинают практически разделять и властвовать. Как же это варварски! Они приказывают, навязывают, принуждают, диктуют образовывать форму истекающего любовью сердца. Ты эту форму принимаешь. А потом стараешься видоизмениться в прежнее состояние. Ужас. И как тут не впасть в градусные отчаяния ветра и давления атмосфер! В моем окне – потрясающе нежное пастельно-розовое утро. А ведь в твоём городе все это еще продлевается, как минимум, на час! Возмутитель-

но и прекрасно. Жители твоей страны САМИ осознают, насколько это бесценно?..

Друзья! Я так хочу быть рядом с ним. Для чего? Чтобы ощутить глубину отношения. Ведь для меня лично важно, прежде всего, самой любить и боготворить человека. И даже если не знаешь, как выразить всю себя по отношению к нему, то всё равно пытаешься найти форму, овладеть некими моментами опять же самовыражения и всплеска всего того главного и важного, что яростно готовится к выходу наружу. Ну и зачем это скрывать? Чтобы потом все это мучалось невыраженностью многие годы? Я не хочу. Лучше – сразу и открыто!

Я вот думаю, – сок, которым я исхожу по отношению к тебе, – может, начать консервировать и закручивать в банки? Нанять специальную женщину с крышками и стеклом – и ну давай штурмует пусть она объемы ударно.

А солнце, меж тем, разливается не на шутку. Красиво и торжественно. Это приятно. Оно поддерживает меня. Только сладкий алкоголь гораздо более уныл, чем другие. И как спать-то? Отправить тебе sms? Ну полной дурой буду выглядеть – даже несмотря на то, что рассвело, забрезжило и открылось. Ну полный маразм. Для чего это все?

Конкретно ЭТО утро придумано для того, чтобы искать новые формы успокоения? Это жестоко. Хотя, и не обосновательно, я думаю.

Я даже не смогу ответить, спала ли я.

Хорошо, что настойка сирени на водке – это по-настоящему лечебное средство.

В твоём городе сейчас, выходит, без пятнадцати семь утра. Как мило. Славно, что бумажная промышленность работает бесперебойно. В разных странах мира.

Хочется разных ароматов, скакать по высокой траве и видеть в метрах ста двадцати от себя тебя, сидящего в шезлонге под прикрытием тумана. Скакать в льняном сарафане. 46-го размера, как было раньше.

Ну поскачу еще.

Главное – не искать в себе негативные стороны, а то магия и комплексы начнут вылезать. Их главное – вовремя заткнуть. За пояс. Кушаком придушить... И, кстати, платить той тетке как, к примеру, за почасовую мойку окон. Это же недорого. А эффект – на гора!

Смешная экспозиция. Тут без тёток можно обойтись.

Потому что не могу не писать.

Потому что память постоянно напоминает, какие у него выразительные руки-плечи и глубокие глаза. Чёрт знает что. Мгновения счастья, растворенные в слабосоленом Балтийском море. Чем мерить глубину чувств? И это все мое, я знаю. Съем сырок. Посмотрю на икру, кефир, кетчуп etc. И на творожную массу внутри холодильника. Без двух восемь в моем городе. Утро ни в чем себе не отказывает. А утром волосы такие пышные и наглые, жуть. Наверное, свою суть пытаются в это время уловить.

А музыка на разных радиостанциях напоминает о разных людях. А я буду плевать на это.

Куда побежать-то, чтобы цель была достигнута?

А нужна ли она, цель?

Как хорошо, что много людей сочинило много хорошей музыки. И другие люди, или те же, аранжировали эту музыку. Молодцы, честь и хвала. А я слушаю ее, и от этого возникает много разных правильных чувств. В твоём городе сейчас, наверное, шесть минут восьмого. На море рыбаки уже машут веслами. Или мотором теребят.

Пока я есть, люди слышат меня и любят. И потом тоже, я верю в это.

А остальную сирень в бутылках – отложить до грядущих времен.

Мне тут недавно сказали, что я золотого цвета. Буду стараться соответствовать.

Обидно ложиться спать, теряя каждую минуту жизни, данную тебе. Упуская каждый звук и оттенок. И что с этим делать? /особенно, когда желудок в порядке/. Очень верю, что в другом измерении можно слышать и услышать музыку, особенно любимую. Чтобы тебе мягко было спать.

Попала в переплет – музыки и солнца. Как джем в булочке. Хочется жить и любить. Ну конечно – девять утра, и целых семь минут. А совсем скоро будет восемь. И никто не в силах изменить эту дикую, на первый взгляд, систему.

А музыка – это отражение душевных сил и желаний в пре-

ломлении красок твоего мира. Пока всё, думаю, – как там учили меня ставить точки?.. (кавычки закрываются).

...И еще спасибо за то, что тебя больше нет в моей жизни – это дает почувствовать разницу, поскольку искусство представления в моем сознании остро и живо, живо и остро, и на диво дико дерзко! Что ж, просто как оно есть.

И проезжать теперь уже нечего, и можно выбирать новое чудо, песню, эмоцию, термометр, поплавки и сотни тысяч других нюансов; и хвала тем, кто, меняя городской экстерьер, позволят, простите за банальность, поменять интерьер душевный. Ave Maria.

И главное, – никогда нет равнодушия в те моменты, когда споришь, проскальзываешь глазом по силуэту или думаешь о давнем разговоре. Без равнодушия – уютнее всего (кавычки закрываются).

Разные годы фрагментами, с 2006 и по конец 2012 гг.

Разрешение трезвучий

И даже если поранить, пусть не до крови, коркой хлеба края рта – это не больно. Это, как раз, наоборот, принудительно оголяет чувствительность. Освежает нервные окончания. И возвращает к мысли о том, что если вектора совпали, это вовсе не означает единения и гармонии. Как раз наоборот. Вектора в своем совпадении могут вести себя точно как два барана. Которые неспособны понять тот факт, что нужно уступать. Что правильнее, порой, быть выше, чище, благороднее, чутче, умнее, и, наконец, сильнее духом: и снова – выше, чище...

Так бараны, да. Так именно они себя не умеют вести, именно бараны не уступают. А сколько посвящено им дискуссий! УмНО ли?

А когда люди на их месте, то ситуация расширяется до бесконечности множественных «но».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.